

Он уже выучил немало шрифта Брайля и запомнил несколько стихотворений. Тао Хуайнань стал настоящим маленьким школьником, а Чи Ку и по-прежнему, учитель несколько раз говорил Тао Сяодун, что он очень умный.

Тао Сяодун больше не беспокоился так сильно, как вначале, теперь он просто находил это забавным, дети — такие смешные существа.

В пятницу днём у Тао Сяодун не было дел, и он рано пришёл в школу, чтобы наблюдать за классом через камеру. Тао Хуайнань, разогревшись в классе, позвал Чи Ку, сказав, что ему жарко, и Чи Ку сложил большой лист бумаги и бросил ему, чтобы тот сам обмахивался. В камере видно было только действия, но не слышно слов.

В тот момент Тао Хуайнань медленно обмахивался, говоря, что вечером они вместе съедят мороженое.

Но вечером, когда каждый держал в руках по порции мороженого, они даже не сели рядом. Тао Хуайнань сидел за столом, под ногами у него была спина Дедушки Ши, а Чи Ку ел на балконе с открытым окном.

Эти двое детей так быстро меняли своё отношение, что Тао Сяодун смеялся над их «пластиковой» дружбой.

Тао Хуайнань, кусая ложку, спросил, над чем он смеётся, и Тао Сяодун ответил, что над тем, как он забавный.

Тао Хуайнань не понимал, над чем именно смеётся брат, ведь он смеялся уже давно, и наконец рассердился, хлопая маленькой рукой по столу и капризничая:

— Если будешь смеяться, я начну дуться!

Тао Сяодун засмеялся ещё сильнее, а затем, перестав смеяться, погладил его маленькую руку:

— Не буду, ешь скорее, а то растает.

Тао Хуайнань пошевелил пальцами ног на спине Дедушки Ши, мягкая шерсть проникала между пальцами, приятно щекоча. Он то растопыривал, то сжимал пальцы, играя так некоторое время. Поскольку он не видел, маленькие тактильные действия очень нравились Тао Хуайнаню, ведь, помимо звуков, осязание было его единственным способом общения с внешним миром.

Он был очень чувствителен к звукам и тактильным ощущениям, ведь ему приходилось компенсировать зависимость от зрения слухом и осязанием.

Через некоторое время Тао Хуайнань уже мог по звуку шагов определить, идёт ли Чи Ку.

На уроке физкультуры учитель стоял в стороне с тростью в руке, обучая детей, как быстро и уверенно ходить по тактильной дорожке.

Чи Ку не нужно было этому учиться, и на каждом таком уроке он просто стоял в стороне, погружённый в свои мысли. Это был самый нелюбимый урок Тао Хуайнаня, ведь на нём ему приходилось отпускать Чи Ку и в одиночку, дрожа и неуверенно, шагать по дорожке, постукивая тростью.

Тао Хуайнань не любил трость, маленькая палка не давала ему никакого чувства безопасности.

На других уроках Тао Хуайнань справлялся хорошо, только физкультура была для него сложной. В отличие от трости, он больше доверял человеческой руке, держась за которую знал, что рядом есть кто-то, кто его поддерживает. Но с тростью казалось, что в этом лишённом света мире остался только он один.

Тао Хуайнань не поднимал руку высоко, словно боясь оторвать конец трости от земли, и лишь слегка водил ею вперёд-назад. Учитель несколько раз держал его руку, показывая, как правильно, но, отпустив, Тао Хуайнань всё равно шёл неуверенно. Большинство детей уже могли ходить самостоятельно, только Тао Хуайнань не справлялся.

Он застрял посередине, и остальные дети не могли пройти. В итоге учитель поставил его в конец очереди, он был последним.

Тао Хуайнань, подавленный, стоял в конце, учитель велел ему тренироваться самостоятельно, а класс уже ушёл далеко вперёд.

Звуки постепенно удалялись, дети радовались простым вещам, смеясь на ходу, только Тао Хуайнань был самым несчастным. Вскоре он остановился, солнце сильно припекало, звуки класса были слишком далеко, и он начал бояться, отошёл от тактильной дорожки и протянул руку вперёд, ища кого-то.

Чи Ку был недалеко и подбежал к нему.

Тао Хуайнань, услышав шаги, сразу же бросил трость и обеими руками обхватил руку Чи Ку, как он обычно делал, когда слышал брата, это было похоже на объятие.

— Где ты был? Я тебя не слышал, — сказал Тао Хуайнань, с тонким слоем пота под носом, одной рукой держась за Чи Ку, а другой вытирая пот тыльной стороной ладони.

Чи Ку, к которому он прижался, тоже стало жарко, и он нахмурился:

— Отпусти меня.

Тао Хуайнань не послушался, ответив:

— Отпущу — буду бояться.

Чи Ку тряхнул рукой, поднял трость и сунул ему в руку:

— Иди.

Тао Хуайнань не хотел брать, но Чи Ку настаивал, и он угрюмо сказал:

— Тогда пойдём вместе.

Чи Ку ведь не слепой, зачем ему ходить по тактильной дорожке? Тао Хуайнань не отпускал его, и Чи Ку сказал:

— Остальные уже научились.

— А... — Тао Хуайнань открыл рот, под носом снова выступил пот, и он медленно произнёс:

— ... только я не умею.

Сказав это, он замолчал, сжав губы, и медленно отпустил руку.

Он знал, что все в классе уже научились, а он был самым неумелым и самым трусливым.

Тао Хуайнань стоял на месте, лицо покраснело от солнца, большие глаза опущены вниз, трость бесцельно постукивала по земле.

Учитель физкультуры, увидев, что они стоят без движения, подошёл и, взяв руку Тао Хуайнаня с тростью, начал учить его, как идти вперёд.

Тао Хуайнань слегка повернул голову, не услышав шагов Чи Ку, и медленно пошёл вперёд с учителем.

Из-за этого случая Тао Хуайнань весь день был в плохом настроении.

После урока физкультуры они построились, чтобы вернуться обратно. Он держался за одежду впереди идущего, шаги всех сливались воедино, он не мог понять, кто идёт впереди, и боялся прикоснуться, только держась за край одежды.

В классе он не знал, куда идти, и кто-то взял его за запястье, чтобы подвести к месту.

Это был Чи Ку, он узнал его.

Чи Ку всегда молчал, и на этот раз Тао Хуайнань тоже не сказал ни слова.

На самом деле Тао Хуайнань не слишком переживал из-за того, что его ругали, учитель физкультуры уже несколько раз делал ему замечания за то, что он не умеет ходить, но он не придавал этому большого значения. Хотя было немного неловко, он не слишком заикливался на этом.

Но на этот раз он действительно расстроился надолго и весь день не оборачивался. Вечером, когда Чи Ку повёл его в столовую, а затем на прогулку, он всё ещё опускал голову.

Чи Ку, то ли из-за своей грубости, то ли просто не желая обращать на него внимание, вёл себя как обычно.

Чувствительное сердце маленького слепого ребёнка было уколото, но ему пришлось продолжать держаться за руку.

«Как же я бесполезен», — подумал Тао Хуайнань, опуская голову.

Даже такие маленькие дети умеют делиться на группы. Пройдя через первоначальную застенчивость и страх, они постепенно сблизились. А сблизившись, начали делиться на компании, кто с кем дружит и играет каждый день.

Тао Хуайнань в этом плане был очень замкнутым, он не хотел общаться с другими детьми, только цеплялся за Чи Ку. Чи Ку и подавно.

В результате, как только Тао Хуайнань отпускал руку Чи Ку, в школе у него не оставалось знакомых друзей. Прочувшись уже долгое время, он даже не мог определить, кому принадлежит тот или иной голос в классе.

Два других мальчика из их комнаты каждый день играли вместе, один из них был очень грубым, и именно он вначале плакал больше всех, а теперь, перестав плакать, часто доводил других детей до слёз.

Когда они шли «паровозиком» в умывальную, Тао Хуайнань держался за Чи Ку, а сзади кто-то схватил его слишком сильно, так что майка деформировалась и врезалась в шею.

Бабушка, идущая впереди, заметила это и сделала замечание мальчику, велела идти аккуратнее и не тянуть так сильно.

Мальчик скривился, высунул язык и дразнился.

Тао Хуайнань, которого только что сильно дёрнули, инстинктивно хотел позвать Чи Ку, но вспомнил, что тот всегда холодный и строгий, и снова проглотил слова.

Чи Ку по сути был деревенским диким ребёнком, он дожил до этого возраста только благодаря удаче, у него не было такой тонкой и чувствительной натуры, как у детей, выращенных в городе.

Тао Хуайнань в своём внутреннем монологе уже почти довёл себя до слёз, а Чи Ку даже не подозревал об этом.

Вечером Тао Хуайнань лежал на своей кровати, чувствуя себя несчастным, ему казалось, что он совсем бесполезен. Чи Ку иногда был добр к нему, а иногда строг, и когда он был строгим, Тао Хуайнань чувствовал себя очень плохо.

Он слегка теревил край наволочки, не дёргая её, а просто перебирая пальцами, надеясь, что Чи Ку пошевелит свою.

Но Чи Ку на другой кровати уже положил наволочку под голову, лежал на спине и почти заснул.

Тао Хуайнань долго думал, не трогая наволочку, и Чи Ку действительно не шевелился.

Тао Хуайнань наконец заснул, а на следующее утро, проснувшись, почти забыл о вчерашнем происшествии, спрыгнул с кровати и потянулся к кровати Чи Ку. Но нащупал пустоту — Чи Ку не было.

<http://bllate.org/book/16228/1458042>